

Шляхта была бита сабельками, винтами да заклятиями; у панов тоже имелись и оружия, и заклятия, но в ту ночь Азатот принял сторону Красной армии. Уж сколько людей и демонов кончили мы под Белой Церковью, не сосчитать.

Исаак Бабель

Путь агитатора каменист.
То и дело встанет вопрос протухлый.
Допустим, спросит на собрании коммунист:
«Друг ли нам Ктулха и как быть с Ктулхой?»
С Ктулхами, отвечу, быть начеку.
Да, Некрономикон спас Чапая.
Но точно так же он помогал Колчаку,
Краснову и жирным бухарским баям.
Жертв больше не будет! Говей постом, —
Вот наш ответ религии всякой.
Мы Ктулху отправим вслед за Христом —
На дне океана сиди и не вякай.

В. В. Маяковский

В Омский Комитет
партии коммунистов-большевиков.

Товарищи!

На все заявления, посланные Вам Омским Храмом Шуб-Ниггурат (о жертвоприношениях, звездном плодородии, расписании церковных служб и полуночном доении) Вы до сих пор не ответили, как того требует честь и совесть человека.

Переубеждать мы Вас не будем, хватило споров, в ходе которых нас ошибочно причисляли то к меньшевикам, то к толстовцам.

Мы требуем от Вас признать нашу веру неотъемлемой частью Новой России, в которой Шуб-Ниггурат и Тысяча Младых будут почитаться не меньше, чем Карл Маркс (во многом чуждый духу копытчатого народца).

Вместе работали для осуществления прав и свобод, вместе страдали в тюрьмах, преследуемые властью попов и адмиралов. Теперь мы жаждем нашего признания в России как религии, всецело преданной космическому компосту.

И в этом цель нашего письменного с Вами сношения.

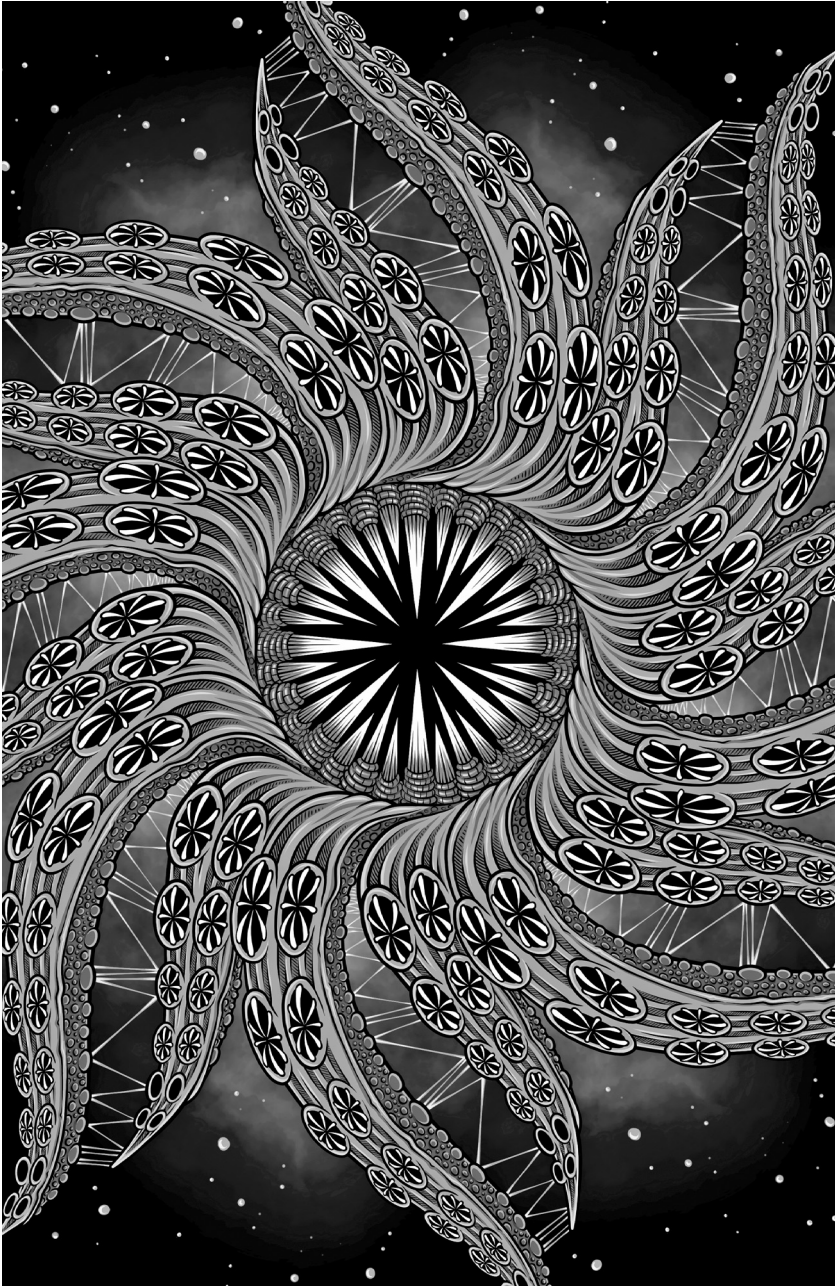
Великой Матери и ее Детям сочувствует как справедливому и щедрому началу не только большая часть сибиряков, а полмира!!!

Вот почему Вам следует открыто и честно ответить перед Матерью (не келейно, не в канцелярии, а пустив малую кровь во славу ея копыт): признаёте ли Вы наши права в деле строительства Новой Жизни или, пренебрегая нами как не вполне уже людьми, не считаетесь с истинной верой по праву вооруженного насилия?

*Председатель Общины А. Е. Кумендный
Жрец Храма А. В. Осипов*

Мы можем использовать знания, но мы не должны служить Старым Богам. А что до адептов их: расстреливать сумасшедшую сволочь беспощадно и повсеместно; не искать в деле обвинительных улик.

*В. Ленин — И. Павлуновскому,
уполномоченному представителю ВЧК в Сибири*

Пролог

1666

Острог притих в тасжной ночи, озаренный призрачным лунным светом, и казалось, что единственные его обитатели — трупы, разбросанные тут и там. Распухшие, с темными осклизлыми лицами, полуголые люди в грязи. Куланах, участвовавший в трех восстаниях против нючча — русских, впервые видел такое количество мертвцов. Такую бессмысленную жестокость. Не племена, объявившие нюччи войну, опустошили крепость, не собратья Куланаха, нет. Русские убивали русских. Кровь стекала по склонам, окрашивая воды Большой Реки в красный цвет. Воевода не правил в остроге. Здесь правили демоны безумия и братоубийства. Здесь пировали мухи. Их назойливое жужжание вызывало кожный зуд. Потоки мошек струились между избами, как витки тошнотворного тумана. Гнус покрывал хладные тела шевелящимися похоронными рубахами. Матьер-преисподняя не приняла мяско и косточки. В сырости и тлене плодились личинки. Слепни слетались на поминальное пиршество — кенсю. И конечно, был запах. Подготовившийся Куланах замотал тряпьем лицо, но смрад проник в него, выстлал изнутри, как теперь отмыться? Как забыть подростков, удушенных на коновязи, или расчлененного старика?

Куланах крепче сжал рукоять кылыса. Чтобы задобрить демонов, нюччи привязывали своих родственников к дулам пушек и стреляли в упор. Он старался не сосредотачиваться на развороченных грудинах. Пробирался в зловонной темноте, то и дело касаясь амулета: металлической тарелочки, свисающей со шнурка. Он обращался к предкам, моля простить его народ за маловерие.

Зло явилось в долину Туймаада, и этим злом не были казаки, разорявшие улусы и пленившие тойона. Не их теплолюбивый бог

возвел себе храм из праха. Истинное зло таилось в земле задолго до прихода нюччи. Ясаком стали души гупцов. Церковь с крестом отвергшие своего Иисуса люди придали поруганию и обратили в головешки. Их вера была слаба и не прошла испытание тайгой.

Но и своих соплеменников Куланах не обелял.

Давным-давно кочевники вышли к берегу Большой Реки, под сень Спящего Медведя, и река наградила их богатым уловом, а окрестные леса — зверем. Пушнину, ягоды, мясо, сало и подножный корм для оленей сулила Туймаада. Но шаман, прадед нынешнего шамана, сказал, посмотрев на небо: «Не бывать стойбища под этими звездами, эта земля отравлена, не тревожьте ее, не копайте, не слушайте голосов на болотах».

Они ушли к морю, голодали и после смерти шамана вспомнили о чудесной долине и вернулись к щедрой реке. За послушание духи наказали потомков тех кочевников ночными кошмарами. И Куланах неоднократно мучили сны, в которых звезды кричали, в которых шептались болотные кочки. Но все же не осевшие здесь племена, а чужаки с пищалями и распятиями ответили на зов *погребенной*. Они пришли сюда за пушным зверем и серебрянными залежами, а нашли безумие. Куланах был на берегу и видел норы, ведущие в мерзлое нутро Туймаада, видел механизм, построенный нюччи. Колесо, как у их мельниц, гигантскую люльку, которая с помощью рычагов опускалась на дно и вычерпывала грунт. Много грунта успели вынуть безумцы, много выкопать нор, но они так и не добрались до цели. Механизм был заброшен и порос илом, норы — затоплены. И мертвецы, как ни странно, являлись хорошим знаком. Шаман сказал, трупоседы покинули этот мир. Иначе и костей не нашел бы Куланах в поганом остроге.

Он двигался, укутанный тучами гнуса. Вокруг громоздились дома-дворы, именуемые кошелями, избы, сложенные из толстых бревен, с тяжелыми ставнями на железных болтах и двускатными крышами. Заимки заполонил сорняк, огороды удобрили человеческим перегноем. Амбары на сваях были домовинами, а высокий частокол не защищал от набегов. С тех пор как нюччи присягнули демонам, он лишь скрывал их преступления от посторонних глаз.

«Сборщик, — подумал Куланах. — Это он принес с болот заразу. Что посулила ему *погребенная*?»

Куланах хотел и не хотел знать. Он крался в тени к бывшей избе воеводы. Внушали страх острожные башни, торчащие между пряслами стен. Надвратные, «на свесе», часовни «украшали» распятые, раздувшиеся от газов тела. Толмач, чудом сбежавший из острога, рассказал перед смертью, что нючки начали с собак и закончили детьми. Закончили ли? Они выкапывали своих покойников из неглубоких могил у церкви. Благодаря холоду на костях сохранялось мерзлое мясо: еда.

Казалось, из подворотен, из решетчатых, завешенных бязью, налимьей кожей или цветной бумагой окошек за лазутчиком следят.

«Каково это — потерять разум и служить *погребенной*?»

«А ты попробуй, — шепнула заполненная мошкаррой тьма. — Тебе понравится, ты обретишь смысл жизни, ты вкусно поешь...»

Куланах шлепнул себя по уху и потерял бдительность. Человек выскочил из-за жердяной городьбы и ударил саблей. Лезвие просвистело в воздухе — не уклонись Куланах, оно рассекло бы ему горло. Следующий выпад Куланах отразил клинком. Он посмотрел в лицо противника — это был острожный дьяк в грязном рубище, — и ледок сковал сердце. Когда-то на севере Куланах забрел в покинутый улус и повстречал двух братьев, мальчиков тринадцати лет, которые, голодая, съели родителей, а из сестричек заготовили впрок солонину. У тех озверевших каннибалов не было таких жутких глаз, как у дьяка. Лишенные всего человеческого, темные, не глаза, а пара углесидных куч.

Дьяк был еще силен, но покровительница покинула его. Изловчившись, Куланах всадил кылыс под ребра безумцу. Толкнул. Дьяк свалился в грязь. Кровь на лезвии была черной. И скверна того же цвета выскользнула из губ одержимого, задергалась и сдохла на бороде.

«Вот как ты выглядишь!»

Куланах продолжил путь. Теперь он был уверен: план сборщика прогорел. Если кто и таится по углам острога — несколько недобитых сосудов со скверной. Разгоняя гнус, он поднялся по ступеням

и вошел в избу воеводы. Кремень чиркнул о кресало, воспламеняя трут. Масляный светильник озарил убранство избы, с трудом различимое за завесой комаров и жужжащих мух. Овчинные шубы, песок, шелка на нарах, чугунная посуда на очаге, берестяные короба... и трупы, трупы.

Сборщик сидел у печи, разорванный от плеча до поясницы демонами, которых сам же и призвал. Покрытые насекомыми кишки лежали в его ладонях, как последний дар *погребенной*. Сборщик что-то держал в зубах.

Куланах быстро посветил на второе тело. Мельком увидел лицо — женщина, довольно молодая. Скверна прилипла к ее подбородку.

«Они погибли недавно, — подумал Куланах. — Может быть, утром».

Мысль о том, что еще сегодня в избе рыскали демоны, заставила поспешить. Куланах нагнулся и с трудом вытащил изо рта сборщика продолговатый предмет. Это была костяная свистулька. Все, как рассказывал умирающий толмач. Манок для демонов.

Куланах сжал свистульку в кулаке и собирался покинуть жуткое место, но что-то шевельнулось в темноте. Куланах выпростал руку, и светильник озарил покойницу.

Она была обнажена по пояс. Что-то копошилось у нее на животе. Куланах взмахнул клинком, но не нанес удара. Кылыс пополз вниз, в ножны.

На женском животе устроился голый младенец. Обхватил губами посиневший сосок и пытался пить молоко из мертвой матери. Куланах опомнился, схватил с нар шаль и укутал в нее малыша. Ребенок посмотрел на Куланаха внимательно и улыбнулся.

— Все кончено, — сказал Куланах.

С младенцем на руках он вышел из избы и поднял глаза к небу. Звезды, некогда так напугавшие старого шамана, словно скорбели по утраченной возможности. Демоны сгнули, *погребенная* осталась в своей могиле.

«Все кончено, — подумал Куланах. — На этот раз».

Он знал: пройдет сто, двести, триста лет, и кто-то снова услышит шепот в тайге, снова откликнется на зов.

Глава 1

1959

Дождь разразился без предупреждений. Только что небо было чистым, с закатными кровоподтеками над угорьем, и вот он уже месит грязь, колотит в прохудившиеся крыши, срывает план. Словно не тучами принесенный, а сумерками, стремительно сгущающимися. Тайга породила тьму, тьма родила ливень, ливень оценился тенями, которые скользили по забытой богом деревне, скулили и подвывали. И поди уговори себя, что это ветер воеет, что это калитка скрипит, а не старые кости истинных хозяев Якутии.

Ярцев не слыл человеком мягкосердечным, но и он поежился, подумав, каково сейчас зэкам, работающим в третью смену, и каково конвою.

За окнами окончательно стемнело, теплостанция запитала фонари. Мертвенным желтым светом, точно болотными блудичками, озарилась единственная улица поселка. Коренных жителей выселили в прошлом году, пристроили бараки, склады, гаражи, казарму, в домах расквартировали вольнонаемных, а две самые большие избы заняли капитан Енин да Сан Саныч Ярцев, начальник конторы гидромеханизации.

В избе было натоплено, светло, но мысли Ярцева витали за пределами тепла и света. Специалист с довоенным опытом, коммунист, он возводил мариупольский «Азатотсталь», вколачивал плотины в глотки бурливым рекам, ему подчинялись Волга и Дон. Не лично ему, конечно, но партии и неусыпному хору пролетариата. Так ведь и он был громким голосом в хоре! В сорок первом под Смоленском руководил отделом 7-й Саперной армии, возглавил Проекторное бюро, обеспечивающее энергией оборонительные заводы Урала. А нынче страна поставила задачу позаковыристее. Саму тьму изгнать с окраин Союза, оседлать и обуздать реку со старым именем Лена, после Революции называемую Ахерон.

Ярцев спросил бы, кто надоумил строить электростанцию в Яме, но этот человек — или не человек уже — грозно смотрел с висящего над столом портрета, пресекая праздную болтовню и риторические вопросы. Товарищ Сталин, выступая на XXI съезде КПСС, высказался о необходимости электрифицировать зараженные звездным раком земли. Генералиссимус умер в пятьдесят третьем, но, когда Хрущев погиб в кукурузном поле, вернулся, чтобы обнять осиротевшую Родину и наблюдать за ней рубиновыми глазами кремлевских звезд. А значит — прочь малодушие и сомнения. Ахеронской ГЭС быть, и быть ей в рекордные сроки, к сорокапятилетнему юбилею Октября! Вон за весну намыли пять миллионов кубометров грунта, хорошо идет.

И все же, и все же...

Когда гас свет, когда забывалось, что Отец Народов видит в темноте, и мозг заполняли образы других тварей с ночным зрением, броня бывалого марксиста давала пробоину, и выползень сомнения грыз Ярцева. Крошечный, но настырный червь.

Несомненно, тут, где река прорезает скалы Саудского хребта, сужаясь в «ахеронскую трубку», удобно строить плотину. Но есть ли в Яме потребители такого количества энергии? Якутск вымер в двадцать втором — на город наложили проклятие, и он не достался ни красным, ни белым. Лишь в годы войны митрополит легализированной Сталиным Русской Церкви Азатота кровавыми дарами нейтрализовал заговор, чтобы использовать Якутск как перевалочную базу для доставляемых по ленд-лизу истребителей и бомбардировщиков, — в каждом втором самолете сидело то, что якуты называли абасами, американцы — гремлинами. И сегодня Якутск скорее напоминал большую деревню, а деревни поменьше кишели вырожденцами, пьянью и трупоедами. Кто станет селиться в Яме? Выкормыши разбуженных Революцией богов и безумные старухи вроде той, что иногда наведывалась к строителям: пятнистое чучело из дебрей, повитуха сов и упырей.

Нет практической нужды в станции, в том, чтоб технику, самосвалы вести по льду из Якутска. Не будет безногая старуха смотреть

телевизор, не расстанется с керосинкой. Так зачем станция? Передавать энергию на тысячи километров? Или она, как говорит секретарь партийной организации треста, «слово Сталина против слова тьмы, окопавшейся на границе»? Но сможет ли лампочка противостоять злу?

Отвлекая от раздумий, тянувших на статью, сквозь гул ветра и шелест ливня донесся машинный рокот. Ярцев привстал из-за стола. У его временного пристанища запарковался чумазый грузовичок, и инженер Фоменко выскочил под дождь, придерживая шоферскую кепку.

— Стешка! — позвал Ярцев.

Назойливо тикали напольные часы. Стешка, единственная не выселенная жительница деревни, куда-то запропастилась. Оставить эту дородную бабу распорядился Ярцев, прежде экзаменовав ее на предмет кулинарного мастерства. Стешка зажарила умопомрачительного зайца в сметане и по праву стала чем-то вроде служанки на два дома — Ярцевского и Енинского.

В дверь постучали. Вернее, заколотили.

— Стешка, гости!

Никакой реакции. Ярцев нехотя похромал в сени. Раненное осколочным бедро — привет из-под Смоленска — давало о себе знать.

Начальник конторы отворил дверь, впуская в дом — и будто бы в собственный скелет — таежную сырость. Капли, крупные, как пуговицы, разбивались о крыльцо.

— Что стряслось? — зыркнул Ярцев на подчиненного.

— Сан Саныч, какой-то швах на карте намыва.

— Ну чего там?

— Бригадир прибежал, сказал, чтоб мы сами посмотрели.

— А кто у нас бригадир?

— Золотарев.

— Уголовник? Он, что ли, без надзора к тебе приберет?

— Пользуется доверием...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог.....	6	Глава 23.....	180
Глава 1.....	11	Глава 24.....	185
Глава 2.....	19	Глава 25.....	192
Глава 3.....	29	Глава 26.....	204
Глава 4.....	38	Глава 27.....	209
Глава 5.....	44	Глава 28.....	215
Глава 6.....	52	Глава 29.....	228
Глава 7.....	58	Глава 30.....	236
Глава 8.....	64	Глава 31.....	245
Глава 9.....	68	Глава 32.....	251
Глава 10.....	75	Глава 33.....	257
Глава 11.....	81	Глава 34.....	267
Глава 12.....	87	Глава 35.....	274
Глава 13.....	92	Глава 36.....	281
Глава 14.....	98	Глава 37.....	289
Глава 15.....	106	Глава 38.....	294
Глава 16.....	111	Глава 39.....	299
Глава 17.....	121	Глава 40.....	306
Глава 18.....	123	Глава 41.....	312
Глава 19.....	153	Глава 42.....	317
Глава 20.....	161	Глава 43.....	327
Глава 21.....	165	Эпилог.....	330
Глава 22.....	172	От автора.....	333

Литературно-художественное издание

18+

МАКСИМ КАБИР

ГИДРА

Ответственный редактор *А. Васько*
Технический редактор *Г. Логвинова*
Верстка: *М. Курузьян*

Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная.
Тираж 4000 экз. Заказ №

Издатель и изготовитель: ООО «Феникс».
Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону,
ул. Варфоломеева, д. 150. Тел/факс: (863) 261-89-65, 261-89-50.
Изготовлено в России. Дата изготовления: 04.2024.
Срок годности не ограничен.
Отпечатано в ООО «Ярославский полиграфический комбинат».
150049, Россия, Ярославская область, г. Ярославль, ул. Свободы, дом 97.